

УДК 94(477)(082)

Г. П. Гребенник, канд. истор. наук, доц.

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
Институт социальных наук, кафедра истории и мировой политики,
к. 37, Французский бульвар, 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина,
Тел. каф.: (0482)68-51-60; д.т. (0482)33-66-70,
E-mail: genpetr@rambler.ru; site: politology2004.narod.ru

ПРОЕКТ "ДРУГАЯ ИСТОРИЯ", ИЛИ ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЙ МАКИАВЕЛЛИЗМ

В статье дано описание достаточно уникального феномена интеллигентского макиавеллизма в политике. Автор утверждает, что часть российской либеральной интеллигенции сознательно использует формат исторической науки с политической целью переидентифицировать народное сознание, сознание массового избирателя, привязав его к либеральной, западной перспективе посткоммунистического развития России. Автор скептически относится к этим попыткам, считая, что они приведут не столько к дискредитации политического курса нынешней российской власти, сколько западной оппозиции в глазах народа.

Ключевые слова: либеральная интеллигенция, политическая интеллигенция, интеллигентский макиавеллизм, имперская традиция, мифологизация истории.

Представленная здесь статья находится в ряду публикаций, посвященных исследованию автором интеллигентского дискурса в политике [1]. Речь пойдет о современной ситуации в России, ныне ставшей для Украины "заграницей", но по-прежнему сильно влияющей на украинские процессы не только в политическом и экономическом, но и в научно-культурном аспекте. Как бы это кому-то ни нравилось, многие культурно-политические смыслы нас связывают в единое пространство. Общая история и геополитика делают нас равнодушными к друг к другу.

Часть либерально мыслящей западной интеллигенции России встала на путь оппозиции путинскому режиму, поскольку видит, что новая Россия опять встраивается в старую колею имперского существования со всеми последствиями для внутренней и внешней политики. Она убеждена, что решительный отказ от сверхдержавности является историческим шансом для новой России наконец-то стать частью цивилизованного, читай: западного, мира. Препятствием новой идентичности, по мнению этой части политической интеллигенции, служит имперская традиция исторической российской государственности, мифологизированная история Великой Победы над фашизмом, освоение космоса и прочие символы всемирно-исторических достижений советской эпохи, мешающие решительно перечеркнуть ее позитив для современной России.

Имея прямое отношение к науке, представители указанной части интеллигенции публикуют книги, организуют их презентации, научные конференции, проводят социологические исследования, выступают в качестве экспертов и аналитиков в прессе и на телевидении — в общем работают в формате науки, но при этом их целью является формирование в общественном сознании нового идеологического образа России, другого, альтернативного властям и народному "совку", видения истории и современной российской реальности. Они пытаются помешать стране окончательно идентифицироваться в качестве наследницы имперских эпох России/СССР, однозначно трактуя это как генеральный порок исторического прошлого России. Это — идеологическая, то есть политическая задача. Упомянутые интеллигентские группы используют формат и авторитет науки с целью вхождения в политическое поле и объединения там противников курса нынешней российской власти на восстановление ведущей роли России в мире (трактуются как восстановление имперского статуса). Такое поведение и образ действий мною опознается и квалифицируется как специфически интеллигентская форма макиавеллистской политики. Представляется, что это самый нетипичный вид макиавеллизма, ибо интеллигентский дискурс в политике характеризуется внесением морали в политику, политическим идеализмом. Здесь же вместо привычного образа интеллигента — дон-кихота, романтика-идеалиста, политического дилетанта — перед нами предстает не лишенный коварства, скрывающий под масками специалиста, научного работника, эксперта свои политические амбиции, прекрасно осведомленный о правилах политической игры, рационально рассчитывающий шансы на победу, далеко не сентиментальный, жесткий противник власти.

"Концептуальный штопор"

В целях решения поставленной интеллигентской оппозицией задачи осуществляется многолетний проект, который я бы назвал проект "Другая история". Это попытка доказать на историческом материале, что все беды русского народа и других народов России связаны с "неправильной", гипертрофированной государственностью России, ее имперской парадигмой. В рамках этого проекта историк, академик, ректор Российского государственного гуманитарного университета и, что немаловажно, один из самых ярких в пору "перестройки" политиков радикально-демократического спектра Ю. Н. Афанасьев написал и издал в 2001 г. книгу "Опасная Россия: традиции самовластья сегодня". Написана она в произвольной, не обязывающей, историософской манере о современных проблемах России, уходящих в глубь истории. Именно эта книга и станет предметом моего анализа феномена интеллигентского макиавеллизма.

В своей книге Ю. Н. Афанасьев предлагает: давайте напишем "другую историю" России, историю альтернативных возможностей, которые были упущены по вине власти. Или — "другую историю"

как историю преступлений власти. И не только предлагает, но и демонстрирует, как это нужно делать. Для иллюстрации метода обратимся лишь к трем эпизодам из истории России, на которых задерживает внимание читателя либеральный историк.

Эпизод первый. "...Не один, а два центра выступали как собиратели Русской земли..." — пишет историк [2, с. 158]. Имеется в виду, что наряду с Москвой собирателем русских земель выступила Литва. Ее экспансия в XIV–XV вв. впечатляет: Великое княжество Литовское превратилось в крупное государство, простершееся от Балтики до Черного моря. Тогда Русь находилась в состоянии обскурации, раздробленности, упадка сил, и все "добрые соседи" (литовцы, поляки, венгры, немецкие крестоносцы, шведы, татары) хотели поживиться за русский счет. Эта ситуация, между прочим, находит нестрогую аналогию в современном витке истории. "Именно та Русь-Литва, — продолжает он, — была более восприимчивой к традициям Запада и *под влиянием католичества* начинала уже утверждать на своих просторах римское право и договорную систему управления. Согласно же "официальной истории", Московия еще в ходе борьбы против татаро-монгольского ига начала освобождать-возвращать исконные русские земли — и от литовцев тоже!" (курсив мой. — Г. Г.) [2, с. 158–159].

В приведенном случае для утверждения "другого взгляда" на историю используется схема противопоставления европейской, католической Литвы, которая якобы цивилизованно утверждала на русских землях римское право, православно-татарской Московии, которая *грубой силой* покорила Тверь, Новгород, Псков, Смоленск и затем покусилась на литовские владения. Схема, на мой взгляд, надуманная, ложная.

Во-первых, Литва XIV в., только-только вышедшая из племенного состояния, а заодно из болот и будучи языческой, не видела существенной разницы между православием и католичеством. Проглотив, не пережевывая, лежащий перед ней громадный кусок русских земель, она *поневоле* стала православной. Можно сказать, что не столько Литва врезалась в Русский мир, сколько Русский мир натянул на себя Литву.

Во-вторых, именно потому, что Литва не была тверда в православии, она проиграла конкуренцию Москве. Последняя вошла во взаимовыгодный союз с Церковью, которая в течение всего периода упадка, когда не было единства политического, отсекала попытки расчленения русского церковного единства.

В-третьих, влияние на литовское право (имеется в виду Литовский Статут в редакции 1529 г.) старорусских правовых норм никто не подвергает сомнению. Общеизвестным фактом является также и то, что после присоединения к России литовское законодательство (имеется в виду Литовский Статут в редакции 1588 г.) в литовских, украинских и белорусских землях никто не отменял аж до 1840 г. Поэтому правовая культура на этих обширных территориях имела возможность развиваться более-менее непрерывно и без грубого вмешательства извне.

В-четвертых, именно потому, что Литва не была тверда в православии, она проиграла католической Польше, с которой пыталась тягаться во времена великих князей литовских Витовта и Свидригайла. В ней самой со времени Кревской унии 1385 г. образовались и жестко противоборствовали православная и католическая партии, соответственно, две политические перспективы — русская и польская. Польская окончательно взяла верх лишь после Люблинской унии в 1569 г. Таким образом, Литва не смогла или не захотела стать Русью. Подчеркиваю, не католическая Литва начала утверждать на захваченных ею русских землях римское право, как думается Ю. Н. Афанасьеву, а в самой Литве утверждались попеременно и в конкурентной борьбе друг с другом порядки православной Руси и католической Польши. Сама Литва никакой цивилизаторской силой не обладала. Победа в Литовском княжестве пропольской католической партии стала причиной того, что к Москве потянулись исконно русские земли, населенные сплошь православными. Московские князья воспользовались этим движением, стали теснить Литву и перехватили у нее инициативу в экспансии, ведь и великие князья литовские мечтали о Московском княжеском столе. В 1503 г., после поражения Литвы от Ивана III, к Москве перешли со своими землями князья Вяземские, Одоевские, Воротынские, Черниговские и Новгород-Северские. Заговоры и восстания несогласных с линией на унию Литвы с католической Польшей сотрясали и ослабляли Литву в ее борьбе с Москвой. Укажем на крупнейшее восстание в 1508 г. под руководством знаменитого полководца князя М. Глинского, бежавшего после его неудачи в Москву. В 1510 г. московский князь Василий III отнял у Литвы Псков, в 1514-м — Смоленск.

С другой стороны, после Люблинской унии от Литвы были отторгнуты и перешли под непосредственное управление Польши земли Левобережной Украины. Вероятно, хотя бы один раз в жизни каждому из нас выпадало счастье найти на дороге денежку и воспользоваться ею как своей. Но правда состоит в том, что эта денежка досталась нам случайно. Вот и Литве также крупно повезло однажды в истории. Однако воспользоваться своей удачей она не смогла, оказавшись между перекрестным влиянием двух государств, носителей разных цивилизационных начал. В конце концов она потеряла все, что дал ей исторический случай. Сегодня Литва — ногтевое государство. По результатам переписи 2001 г. 79% ее населения признали себя католиками и лишь 4% отнесли себя к православным [3].

Я здесь говорю о несамостоятельности Литвы в историческом соперничестве русских и европейских влияний. Но, может быть Европа тогда же или позже свила гнездо у соседей Литвы? Да нет, здесь примерно та же картина культурной несамостоятельности населения. Со времен петровского завоевания Прибалтики (1710) этот край назывался Остзейским (от немецкого названия Балтийского моря — Ostsee). В Российской империи он состоял из трех

губерний — Эстляндской, Лифляндской и Курляндской и до 1876 г. составлял особое генерал-губернаторство со столицей в Риге. Здесь доминировали со своим языком и лютеранским вероисповеданием прибалтийские немцы (дворянство и купечество), составлявшие около 6% местного населения. Пользуясь своими привилегиями, эксплуатировали они это самое население — эстонцев и латышей, крестьян и ремесленников — с немецкой тщательностью и феодальным упорством и никак не хотели поддаваться европейским (буржуазным) реформам Александра II. Если это и была Европа, то Европа феодальная, отсталая. Искать в ней передовых, прогрессивных форм социального устройства и юридических установлений не следует.

Кто действительно составлял конкуренцию и альтернативу православно-Московской Руси на пути присоединения и поглощения ею, заметьте, рассыпанных православных русских миров, так это католическая Польша. Поляки — надо отдать им должное — умели на протяжении столетий держать цель. Чего стоит их проект унии с Литвой. От первой (Кревской) до последней (Люблинской) прошло 184 года. Так вот, поляки оказали сильнейшее воздействие на украинское население с целью его окатоличить и полонизировать, но потерпели полную неудачу и, в конце концов, потеряли Украину*. Москва при этом Речи Посполитой никак не противодействовала. Это ли не историческое доказательство невозможности в прошлом распространения католичества и связанных с ним политико-юридических форм жизни дальше тех пределов, которые и сейчас незыблемы?

Однако давайте присмотримся к некоторым ключевым персонажам того периода истории, который показался Ю. Афанасьеву перспективным в плане возможной "другой истории" Руси-России. Главный собиратель земель Белой и Малой Руси великий князь Литовский Ольгерд Гедиминович (1345–1377) был дважды женат и оба раза на русских княжнах Марии Витебской и Ульяне Тверской. Сам он склонялся к православию, однако это не помешало ему трижды "сходить" военными походами на Московское княжество. Он там не цветочки нюхал. Будь он католиком, Ольгерд конечно задумался бы над правами человека и отказался от своих нехороших замыслов искать военной удачи в чужих землях. А так за 30 лет правления под его рукой оказались многие русские княжества. Желая вывести Киев и другие земли Малой Руси из-под церковного влияния митрополита Московского и всея Руси, великий князь Литовский шантажировал константинопольского патриарха, требуя возрождения киевской митрополии. Последний был вынужден согласиться на это под угрозой крещения Литвы по католическому обряду.

* В свою очередь следует отметить, что Малая Русь стала Украиной благодаря упорному сопротивлению мощнейшему католическому напору Польши в XVI–XVII вв. Знать сдалась, а народ уперся. Если бы народ тогда не выдержал давления, то сегодня Украина была бы не как Польша, а частью Польши.

О характере взаимоотношений между русскими и литовцами в XIII–XV вв. исследователь Б. Н. Флоря пишет: "В XIII в. и в северно- и в южнорусском летописании сложилось устойчивое представление о "литовцах", "литве" как язычниках — "поганых", нападающих на православных "русских" [4, с. 56]. Этот стереотип устойчиво сохранялся в московском летописании и в XIV в. Например, в описании осады Москвы войсками Ольгерда в 1368 г. подчеркивалось, что он "многы церкви и многы монастыри пожегл" и "много христиан посече". Так конфликт между Москвой и Литвой приобретал характер борьбы между "погаными" и христианами" [4, с. 56].

Сын Ольгерда от брака с Ульяной Тверской Ягайло после смерти отца в 1377 г. становится великим князем Литовским, причем это право ему уступил дядя Кейстут. Позже они стали враждовать. История темная, но факт: племянник, сговорившись с ливонскими рыцарями, Кейстута убил, его жену утопил, а сына Витовта бросил в тюрьму. В 1380 г. на Куликовом поле Ягайло был в стане хана Мамаю. В той же битве на стороне князя Дмитрия Донского сражались два литовских князя Ольгердовича — Андрей и Дмитрий. И был среди них, пожалуй, первым после самого великого князя Московского, еще один литовский князь, перешедший на службу Москве, — воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский, предводитель засадного полка, решившего битву в пользу русских. Как отмечено в летописи, подвиг Дмитрия Донского в этой битве предотвратил опаснейший для Москвы союз "поганых" — Литвы и татар.

В 1385 г. в обмен на унию с Польшей Ягайло получает польскую корону и юную польскую королеву Ядвигу впридачу. Он становится католиком и принимает католичить Литву, то есть выполняет свои *политические обязательства* перед Польшей. А могло быть иначе. Есть грамота, датированная 1384 г., которая свидетельствует, что великий князь Московский Дмитрий Иванович Донской и великая княгиня Литовская Ульяна договорились о женитьбе великого князя Ягайла Ольгердовича на дочери князя Дмитрия и "быти в их воле и креститися в православную веру и крестьянство свое объявити во все люди" [5, с. 187]. И так, Ягайло должен был стать зятем Дмитрия и "быти в их воле", т. е. войти в подчинение к своему тестю. Об этом так же говорит процедура: после подписания грамоты Ягайло и два его брата целовали крест великому князю Дмитрию Ивановичу, то есть клялись в верности. Типично вассалитетные отношения. Видимо, князь Дмитрий Донской при помощи международного права хотел переподчинить себе недавно захваченные Литвой русские области. Однако Ягайло поступило более выгодное предложение со стороны поляков, и он клятву преступил. Но все же факт остается фактом: Литва в 1384–1385 гг. оказалась перед, как бы мы сейчас сказали, цивилизационным выбором и сделала его в пользу союза с католической Польшей, а не с православной Московией. Здесь диалектика случайности и закономерности в истории очень ярко себя проявила.

Однако не успел Ягайло привыкнуть к польской короне, как у него объявился мощный конкурент в самой Литве в лице бежавшего из тюрьмы двоюродного брата Витовта. На съезде литовско-русской знати его провозглашают великим князем Литовским. Он начинает воевать с Ягайло и воюет удачно. Последний вынужден в 1392 г. заключить с Витовтом Островское соглашение, по которому Ягайло вернул Витовту все отцовские земли и сделал его своим наместником в Литве в обмен на его лояльность и свою поддержку широкомасштабных планов Витовта. А взоры последнего были обращены в сторону Москвы, Новгорода и Пскова. Поэтому он договаривается с убийцей своих родителей (о, политика!), что тот поддержит его усилия в борьбе за московский княжеский стол. Эти планы были перечеркнуты страшным поражением разноплеменной рати Витовта на реке Ворскле в 1399 году от татарского хана Едигея.

А ведь у Витовта был реальный шанс и после 1399 г.! После смерти в 1389 г. Дмитрия Донского он имел дело с его сыном Василием I, князем несравненно более слабым, чем отец, во всех отношениях. Пробыв два года в Орде в заложниках, он бежал оттуда и пробирался на родину через Литву, где и попал под влияние Витовта. Тогда же был решен его брак с дочерью Витовта Софьей (заключен в 1391 г.). Митрополичью кафедру во Владимире занял Киприан, знатный болгарин, с 1370-х гг. бывший митрополитом Литвы и Малой Руси, то есть до того, как был допущен в Москву. На этом оборвалась национальная политика собирания земель Дмитрия и начался этап внешней политики, подчиненной видам Витовта. Зависимость от последнего подчеркивает тот факт, что Василий Дмитриевич, умирая, ему поручил защиту великокняжеских прав своего десятилетнего сына. Но Витовт, видимо, не был любимым сыном Истории. Есть правдоподобная версия, что его отравили польские иезуиты как раз накануне его коронации. Усиление Литвы меняло конфигурацию в Речи Посполитой не в пользу Польши, что, конечно, категорически не устраивало последнюю. Став королем Литовским, Витовт похоронил бы унию, которая и так при нем была лишь на бумаге.

Впрочем, я даже готов рассмотреть гипотетическую ситуацию, когда литовский князь воцаряется в Москве. И что же? Да ничего. Принимает православие, если он католик, и проводит политику в интересах "третьего Рима". Со временем все литовцы растворились бы без остатка в русском море, как до них это произошло с норманнами... Но если все же смоделировать фантастический вариант развития событий: Литва побеждает Москву и собирает вокруг себя все русские земли. Благодаря католицизму ей удастся сохранить свою "самость" и каким-то образом пересоздать, переработать в католическом духе Русь. Тогда бы мы действительно имели сегодня "другую Россию" — без Урала, Сибири и Дальнего Востока. Не было бы православной евразийской цивилизации. Католическая Европа непосредственно контактировала бы с исламским миром.

Получается, что афанасьевская мечта о "другой России" — это мечта о мире без России.

Углубляясь в исторические подробности, поражаешься, как причудливо складывались исторические события, создавая многочисленные возможности будущего развития. Но все же афанасьевский тезис о европейской альтернативе для восточнославянских (нынешних белорусских, украинских и северо-восточных) земель, которая якобы исходила от Литвы в XIV–XVI вв., — это чистой воды стремление выдать желаемое за действительное. В результате благоприятных исторических обстоятельств, военной экспансии, династических браков Литва не столько покорила удельную Русь, сколько сама была втянута в Русский православный мир и составила его часть. Этим объясняется право на Русь, которое получили великие литовские князья и которое они пытались безуспешно реализовать. И нравы у этих князей ничем не отличались от русских. Так что о какой-то "европейскости" в смысле особой цивилизованности и наличия европейского правосознания у правителей Литвы тех времен говорить не приходится.

Эпизод второй. Читаем у Афанасьева: "В январе 1918 года III съезд Советов принял "Декларацию прав народов России", в которой обещал всем желающим "самоопределение вплоть до отделения". Народы не замедлили этим воспользоваться: от империи отложились Польша, Финляндия, Украина, Белоруссия, прибалтийские губернии (Литва, Латвия, Эстония), Татаро-Башкирия, Северный Кавказ и все Закавказье (Грузия, Армения, Азербайджан), Туркестан" [2, с. 122].

И опять я вынужден констатировать: это поверхностная и по существу неверная трактовка реальных событий. Например, Украинская народная республика, объявляя о своей независимости в Четвертом универсале Украинской Центральной Рады (УЦР), ссылалась не на советскую "Декларацию прав народов России", а на естественное право и волю украинского народа. И принимался этот универсал 9 (22 по н. ст.) января 1918 г. в обстановке, когда на Киев надвигалась советская армия под командованием М. А. Муравьева. Но и Третий универсал, провозгласивший образование Украинской Народной Республики 7 (20 по н. ст.) ноября 1917 г., был *вынужденным шагом*, реакцией на большевистский переворот в Петрограде. Центральная Рада его не признала, увидела в нем акт гражданской войны и угрозу ее распространения на свою территорию.

Стоит только вчитаться в тексты универсалов УЦР, чтобы прийти к однозначному мнению: ее лидеры довольно длительное время не видели решения украинской проблемы в отделении от России. Их формулой была автономия Украины в составе федеративной социалистической демократической России. Иначе и быть не могло, ведь они были сначала социалисты и только потом — националисты. Вот цитата из Второго универсала: "Мы, Центральная Рада, которая всегда стояла за то, чтобы не отделять Украину от России,

чтобы совместно со всеми народами двигаться к развитию и благосостоянию всей России, с удовлетворением принимаем призыв Правительства (Временного в Петрограде. — Г. Г.) к объединению..." [6, с. 259]. В Третьем универсале есть такие строки: "Имея силу и власть на родной земле, мы той силой и властью встанем на страже прав и революции не только нашей земли, но и всей России" [6, с. 262]. И даже Четвертый универсал окончательно не отрезал путь назад. Основных решений Центральная Рада ждала от Всеукраинского Учредительного собрания и, заявив об отделении от большевистской России, все же оговорила: "Этому высшему органу надлежит решать о федеративной связи с народными республиками бывшей Российской державы" [6, с. 267].

Уверен, что и другие политические субъекты, кроме Польши и Финляндии, пришли к решению об отделении от России не сразу, а в ходе революции, разлившей колоссальную энергию нетерпимости, выплеснувшей на поверхность массу народных предрассудков и прочего идиотизма. В целом события в бывшей царской империи развивались в соответствии с известной фразой: "Все побежали, и я побежал". А поверх этих логик действовал водоворот смутного времени, в котором бывшая империя крошилась на десятки, сотни полугосударственных образований.

Летом 1918 г. в Поволжье, на Урале и в Сибири возникло около 30 различных преимущественно эсеровских правительств: в Самаре — "Комитет членов учредительного собрания", в Екатеринбурге — "Уральское областное правительство", в Томске — "Сибирское правительство" и т. д. В годы гражданской войны верхушка Области Войска Донского и Кубанского казачества вела откровенно сепаратистскую политику, направленную на образование самостоятельных государств. Аналогично действовали в Забайкалье атаман Г. М. Семенов, в Приморье — И. М. Калмыков. На территории Украины целые уезды и волости контролировались отдельными атаманами (в современной терминологии — полевыми командирами), которые никому не подчинялись. Наиболее крупные из них — Махновия и подконтрольная территория бывшего штабс-капитана царской армии атамана Н. А. Григорьева. Создавались и советские анклав — Криворожско-Донецкая республика, Одесская республика. Дело дошло до того, что отдельные села объявили себя "суверенными" и создали собственные силы самообороны.

Крым времен гражданской войны — это совершенно особая песнь. Он существовал в режиме независимости, хотя в нем последовательно сменяли друг друга белые и красные правительства: в июне 1918 г. правительство генерала С. Сулькевича, державшееся, как и правительство гетмана Скоропадского на Украине, на немецких штыках и немедленно павшее с их уходом; в ноябре 1918 г. его сменило кадетское правительство, ориентировавшееся на Деникина и Антанту; в мае 1919 г. была провозглашена Крымская Советская Социалистическая Республика; в 1920 г. полуостров оказался в распоряжении так называемого Правительства Юга России с генерал-

лейтенантом Врангелем во главе. Оно развернуло бурную дипломатическую деятельность по своему признанию, издало декрет о земле, в общем, пыталось использовать шанс закрепиться на полуострове. Не забыть бы про крымских татар, которые тоже не хотели упустить момент анархии. Еще в декабре на своем курултае они создали Директорию, которая стала претендовать на власть в Крыму под лозунгом "Крым для крымчан". Она была разогнана большевиками в январе 1918 г. В июле того же года татары обратились к правительству Германии с просьбой о создании в Крыму независимого (?) крымского ханства. Просьба осталась без внимания.

Согласитесь, это совсем не та история, которую нам рассказывает Ю. Афанасьев, а именно: о национально-освободительной борьбе колониальных народов против империалистической метрополии. "Борьба за независимость" развернулась именно тогда, когда этого самого империалистического центра не стало. Конечно, глупо отрицать национальную тему в революции 1917–1920 гг. Распад империи давал шанс националистам всех этнических сообществ. Но везде, в том числе на Украине, эта тема была оттеснена на второй план социальной борьбой, гражданской войной и иллюстрировала собой более масштабное явление — общероссийскую Смуту.

Было и другое. Нации должны самоопределяться, решили большевики в соответствии с марксистской теорией и стали искусственно создавать советские республики. Хотя как раз с нациями, являющимися произведениями буржуазности, и была загвоздка, ибо, как правильно в свое время писал В. И. Ленин, Россия страдала не столько от развития капитализма, сколько от его недоразвития. Во всяком случае Сталину пришлось оправдываться, когда его обвиняли, в частности, в том, что "коммунисты насаждают белорусскую национальную искусственность" [7, с. 249].

Эпизод третий. "Гитлер поздно понял, что для большевиков он всего-навсего — полезный смертник, которого ожидает после победы в Европе большевистский (чекистский, не хуже гестаповского) выстрел в затылок. А поняв, решил на авантюру, на попытку "блиц-крига" против Советов... [2, с. 130]". Здесь комментировать нечего. Либо г-н Афанасьев лично брал интервью у Гитлера, либо он — великий сказочник. Стоит ли говорить, что Афанасьев заимствовал "ледокольную идею" у В. Суворова-Резуна?

Можно ли написать правдивую историю? Отвечая на этот вопрос, В. Лебедев разъясняет, что историческое видение не вырастает из фактов, наоборот, факты складываются в имеющее смысл единство под влиянием теории. "Сам ход истории будет таков, какую философию истории выбрал для себя историк" [8].

Лебедев прав. Людьми движут интересы и порожденные ими установки на отбор фактов. Находясь во власти собственной концепции, исследователь или политик могут попасть в положение, которое я называю "концептуальным штопором". Это, собственно, и случилось с историком Ю. Н. Афанасьевым. Какого бы исторического узла он ни касался в своей книге "Опасная Россия", пыта-

ясь продемонстрировать возможные выходы в "другую историю", мы наблюдаем фальсификаторский след "концептуального штопора".

Мифологизация как метод сочинения "другой истории"

Ю. Афанасьев в общем правильно пишет, что в русской истории существуют глубокие разломы, которые порождают "расщепленность русского духа". До сих пор, по его мнению, разломы преодолевались мифологически: Н. Карамзин создал первый миф о России, Л. Толстой — второй, Достоевский — третий, Ленин — четвертый, Сталин — пятый, Н. Михалков — шестой и т. д. Русские люди живут не в реальной действительности, а в мифологизированной. Афанасьев предлагает вылечить сознание русского человека посредством *рационализации* истории. В частности, чтобы преодолеть прошлое коммунизма, которое, будучи необъясненным, остается с нами, надо превратить преступления и ужасы коммунизма в ту единственную призму, сквозь которую просматривается вся советская история [2, с. 156–157]. Посредством "рационализации" он хотел бы превратить Россию в мемориальное кладбище жертвам коммунизма. Но на кладбище жить нельзя. В этом все дело.

Впрочем, это изначально нереалистическая задача: поскольку разломы русской истории носят онтологический характер, постольку их нельзя преодолеть рационально, гносеологически. С этим и внутри этого живет русский человек и опознается во всех своих проявлениях. Недавно наблюдал любопытную картину. Приглашенный в телепередачу "Ностальгия" кинорежиссер А. Смирнов оказался абсолютно не способным к ностальгии как к чему-то, что уже отгорело, отошло и отложилось в сентиментальной памяти. Он сознался, что яростно ненавидел советскую власть, но когда понял, что эта ненависть его сжигает изнутри, то преодолел себя. Ничего он в себе не преодолел. Перед нами предстал психически неуравновешенный, бешеный человек. Отвечал на вопросы телезрителей совершенно по-хамски. Ненависть сделала его своим рабом при том, что он думает, что он свободный человек.

Афанасьев выступил с претензией на критику мифов о России, а между тем в процессе "рационального объяснения" российской истории сам же впал в мифологическое состояние и служит прекрасной иллюстрацией тезиса: "умом Россию не понять". На манер предшественников и современных конкурентов он обнаруживает стремление преодолеть обманом не поддающуюся рационализации реальность. Ну не хочет он "уравнивать, в духе призывов президента Путина, сталинские репрессии с покорением космоса" [2, с. 161]. Советская космическая эпопея интерпретируется им как сугубо военная затея, символ сверхдержавности, напрасные, безумные затраты средств, которые могли бы пойти на повышение жизненного уровня трудящихся. Думаю, не ошибусь, если скажу, что знаменитые космонавты и организаторы космонавтики вынуждены были пойти в политику именно потому, что ими руководило

нравственное возмущение либеральными упражнениями в области "другой правды": что же вы, гады, делаете!? Кто дал вам право чернить, ставить под сомнение жизненный и научный подвиг людей, осваивавших космическое пространство? Космос — это действительно нерукотворный памятник советской эпохе, величайшая заслуга советских людей перед человечеством. Вытеснить советскую космическую эпопею из памяти, заслонить плоскими рассуждениями о милитаризованном государстве вряд ли удастся, но испачкать, сделать "неприличные надписи" можно. Попробуйте представить историю американской авиации и космонавтики XX в. вне конкуренции с Советским Союзом. Да этой конкуренции человечество обязано своим колоссальным прогрессом в этой области! И не только в этой.

Афанасьев осуждает желание "жить не историей, а мифом о России" [2, с. 158]. Между тем история не противостоит мифу, а сожительство с ним. Они дополняют друг друга. Попробуйте жить без мифа и вы увидите — из мифа выпасть можно только впадая в другой.

"Предстоит расколдовать свое прошлое" — формулирует задачу рационального прочтения истории Ю. Афанасьев [2, с. 304]. Поистине "язык мой — враг мой". Расколдовывая свое прошлое, человек не перестает быть колдуном в настоящем. Над чем колдуем, господа либералы? "Гражданское общество", "правовое государство", "демократия"?

"Другая история" как рациональная критика реальной истории

Еще одним методом конструирования "другой истории" России является критика ее реальной истории с позиций абстрактного гуманизма. В этом духе Ю. Афанасьев обрушивается на штамп русской истории — обзывать "дикими" южные народы, от которых Русь обороняла свои обширные земли. Непредубежденный взгляд обнаруживает у этих народов самобытную культуру. Что тут сказать? Если бы кочевники и другие непрошеные "гости" были не "дикие", то Русь могла бы не устоять. Через Русь прошли несметные орды "гостей", от них остались одни предания, а восточные славяне по-прежнему доминируют в Евразии. Видно, все-таки степняки были дикими.

Как последователь раннего Чаадаева, Ю. Н. Афанасьев заявляет: "Не через родину, а через истину лежит путь в небо" [2, с. 172]. Сказано красиво, хотя "путь в небо" вряд ли является желанным маршрутом для кого-либо и особенно для целых государств. По моему мнению, путь истины не пролегает в стороне от Родины, а взгляд (европейский) со стороны — это посторонний взгляд на одну сторону России.

В своих критических штудиях Ю. Н. Афанасьев использует метод "не то, а это". Назовем его "эффектом обратной стороны

Луны". Светлую сторону самой близкой к нам планеты мы изучили настолько, что не ждем никаких сюрпризов. Зато всегда скрытая от землян темная сторона Луны притягивала своей таинственностью, давая повод строить разные фантастические гипотезы. Предположим, мы получаем информацию с невидимой стороны Луны, которая серьезно меняет наши представления о функциональной связи Луны с Солнцем и Землей. Кто-то сделает поспешный вывод, что знание о светлой стороне планеты не истинно, есть *другая*, настоящая, правда... Этот кто-то — брат Ю. Н. Афанасьеву по разуму. Не может быть истинной односторонняя картина мира.

Летит ковер-самолет. Одного он интересует как произведение коврового искусства, другой озабочен его техническими данными и летными качествами. Третий ясно видит, что это — миф, химера, кентавр. Этот третий и есть мудрец. Он обладает тем, что древние особенно ценили, — "целостным мышлением". Оно пронизывает *единством принципа* власть и народ, космос и спорт, искусство и жизнь. Но именно это единство принципа в отношении России ускользает от научного анализа и абсолютно недоступно партийному взгляду, ведь Россия-Евразия — это в одно и то же время и Европа, и Азия. Это — единство, легко поддающееся раздвоению, что нашло свое отражение в славянофильско-западническом дискурсе. Как давно уже было замечено, правда есть у каждой из сторон дискурса, а вот истина не принадлежит ни одной из них.

Интересно, что в одном месте книги, комментируя С. Франка, Ю. Афанасьев пишет: "...не надо искать решения в рамках "или-или", а надо видеть, что "пройти" придется и то и другое" [2, с. 201]. В силу важности этих слов он выделяет их курсивом и жирным шрифтом одновременно. Так почему же этот подход в большинстве случаев игнорируется самим автором? Да потому что он ввязался в политическую драку на одной стороне и является партийным человеком. Вся правда ему в принципе не нужна.

Объяснение многим негативам он находит в традициях российской государственности, которые зародились еще в византийский и ордынский периоды истории. Если русский империализм достоин осуждения, то достоин ли осуждения русский национальный характер, широкий и необузданный, как пространства, в которых он формировался в процессе "расширения" территории Московского княжества?

Пять веков неуклонного "расширения" нельзя объяснить особенностями российской власти. Татаро-монголы культивировали монгольский принцип власти и рухнули. Византийцы исповедовали византийский принцип власти и рухнули. Со времен Петра государство было мало озабочено "православной миссией" и пристегивало ее к своей политике "по поводу", когда, например, речь шла о вытеснении Турецкой империи со славянских земель. Советская власть также не устояла. Разве это не наводит на мысль, что истинная причина "расширения" либо глубже, либо выше исторических систем власти? Повторю, в истории России не все поддается

рациональному объяснению, у того же сталинизма, как отметил сам Афанасьев, есть иррациональное начало. Если суть вещей необъяснима, то стоит ли ее игнорировать?

Если во всех российских перипетиях и революциях бюрократия как массовый класс управляющих неизменно выходила победительницей, да еще более мощной, чем прежде, то что, кроме инвектив, может предложить историк Ю. Афанасьев? Ничего. Вот прагматичный Г. Попов мыслит "реалистически": бороться с бюрократией бессмысленно, надо сделать так, чтобы ей стали выгодны демократические правила игры, а государство не сильно страдало от неизбежного казнокрадства. Еще есть смутные надежды на втягивание в мировую жизнь, на открытость, глобализацию, рыночные законы... Личная проблема Афанасьева в том, что он так и не решил для себя быть кем-то одним — или историком, или политиком, или священником? В истории он политик, а в политике — священник.

Не случайно также и то, что Ю. Афанасьев цепляется за П. Чаадаева, первого русского мыслителя с западной парадигмой. Однако он не принимает во внимание, что пессимизм Чаадаева был *вопросом* о судьбе России, его *тезисом*. Но у него были также антитезис и жизнеутверждающий синтез. Чаадаев верил в великую будущность России и, главное, утверждал, что *свободная Европа невозможна без России*. Без России Европа проблематична. Вот ведь как повернулась мысль у первого российского западника! А Ю. Афанасьев застрял на тезисе и дальше не пошел. Эпигонство — вещь неприятная.

Почему западные мыслители, критикуя Запад, не покидают его почвы, тогда как суровые русские критики России обязательно съезжают с ее почвы и оказываются внутренними эмигрантами? Почему так трудно дышать русскому человеку пресловутым западным "воздухом свободы"? Почему и Герцен, и Солженицын, и Зиновьев, и Максимов, и сотни других русских интеллектуалов, столкнувшись с реальным Западом, испытали колоссальное разочарование в его "богатой духовной жизни"? Вопросы сформулированы не нами и не сегодня. И ответ дан: потому что западные интеллектуалы, даже самые критические из них, мыслят в формате, заданном органикой их истории, а наши отечественные западники собственного, исторически обусловленного дискурса так и не выработали. Хотя предпосылки были.

В детстве, всякий раз слушая песню об атамане Разине, я задавался вопросом, почему никто из поющих и слушающих не сочувствует персидской княжне, безжалостно выброшенной Степаном за борт? Ну, мог бы причалить к берегу и отпустить ее на все четыре стороны. Зачем губить жизнь юной красавицы? А ведь в этой песне идеально передана ситуация выбора, в которой находится народный вождь. Княжна красива нездешней красотой и к тому же "бусурманка". Это символ соблазна. Измена народу начинается с нравственного расслабления. Степан Разин сделал то, что ждали от него товарищи, то, что должен был сделать. А г-н Афанасьев

своими стенаниями и упреками к истории напоминает меня самого в детстве. Ему князю жалко! Согласитесь, для человека, разменявшего седьмой десяток, претензии к стране с тысячелетней историей, к власти и народу с позиций абстрактных принципов либерализма есть признак детской непосредственности. Возможно, Бог есть, но он точно не либерал.

Проблема либерализма в России

Есть подозрение, что История в "другой истории" Афанасьева ни при чем, поскольку он слишком определен в политике. Определен как либерал. А Историю использует *по поводу и в связи с политической необходимостью*. Как тут не вспомнить В. И. Ленина с его "Материализмом и эмпириокритицизмом"! Ю. Афанасьев осуждает русскую почвенность и, в частности, большевизм как ее порождение. Естественно, что сам он порождение либеральной беспочвенности. Но и беспочвенность есть выражение русской почвы. Типология русских "лишних людей" неплохо изучена в литературе. Беспочвенный либерал не живет, а базируется в стране, не ходит по земле, а перемещается в пространстве, не изучает историю, а "рационально" ее перекраивает, дышит не кислородом, а "воздухом свободы". Интересно, что он при этом выдыхает?

Как человек западнического направления Ю.Н. Афанасьев ни в коей мере не грешит оригинальностью суждений. Люди этого направления с фамилиями Ахиезер, Клямкин и Яковенко написали книгу под названием "История России: конец или новое начало?" в том же самом стиле, то есть в стиле свободного историософского анализа, с единственной целью обосновать главный тезис их научно-политического направления: у России не будет истории, если она не станет либеральным государством. У этих "ребят" всегда "иного не дано", хотя в реальной истории и в своих историософских штудиях они главным образом с "иным" имеют дело. Эмигрантский историк А. Янов предложил свой вариант "другой истории" в своей трилогии "Россия и Европа. 1462–1921", положив в его основу концепцию "выпадения России из Европы". Дискурсы либеральных концептуальщиков (независимо друг от друга) на почве истории представляют собой попытки сотворения либерального мифа о России. Это миф должен служить идеологической подпоркой либеральным демократам, испытывающим в настоящее время громадные трудности в плане политической идентификации.

"Другая правда", "другая история", "другая Россия" — это все игры ума, и пока они разыгрываются на страницах научных изданий и в рамках сугубо исследовательских проектов, они могут быть полезны в научных целях (разработка новых исследовательских стратегий). И змеинный яд полезен, пока не попадает в кровь. Ведь играли же мы в "перестроечное" время в игру под названием "поливариантность истории". Но в политике эти игры обретают

другой смысл. Они уже становятся оппозиционными проектами, задача которых создать новое символическое поле борьбы за власть.

Есть "игры патриотов" и есть "игры либералов". При слабой власти они в одинаковой мере, но с разных сторон опасно расшатывают стабильность общества и государства. Да и сам по себе либерализм в России — это проблема. Она давно диагностирована выдающимися русскими мыслителями (Н. Бердяевым, П. Струве и др.) — *безосновность, беспочвенность, отщепенство* (и от государства, и от народа), *социальное одиночество*. Либерализм в России — это наносное явление, сопутствующее системным реформам, недоброкачественный продукт русского западничества. Взять хотя бы фигуры российских реформаторов. Петр Первый и Ленин либералами не были. Фигуры поменьше — Витте и Столыпин — тоже в этом не замечены. Александр Второй? С большой натяжкой его можно назвать "либералом поневоле", особенно если учесть, что еще в период Крымской войны он был чуть ли не консервативнее своего отца, Николая Первого, "свинцового человека". Напрашивается однозначный вывод: в России истинный государственный и либерал — разные люди. Либерализм в России — игра интеллигентского ума, *полезная* разминка для мозгов, тезис, теряющий смысл без антитезиса и синтеза. В серьезном деле на либерала полагаться нельзя — обязательно подведет. Современный российский либерализм представляет собой, по выражению писателя Ю. Полякова, нечто среднее между фондами и фрондами.

Итак, сознание российского либерала само по себе — это проблема. И вот с этим проблемным сознанием он натывается на другую, еще большую проблему. Имя этой проблемы — Сталин. Афанасьев, Попов и сонм других далеко не слабых интеллигентских умов долбили идол Сталина с такой яростью, что, казалось, он навечно втопан в грязь. Но удивительным образом его влияние на общественную жизнь, народное сознание только возросло. Проклинавшие его сделали явно больше для его утверждения, чем те, кто стоит за него горой. От этого у либералов рождаются депрессивные чувства досады, бессилия и беспросветности. Ведь мы же все так ясно и подробно растолковали, разводят они руками, а *они* (имеются в виду "массы", "народ") по-прежнему тащат *его* портреты на площади. Проблема Сталина оказывается проблемой Народа.

Бессилие либералов рождается на почве неспособности отделить Сталина от подвига народного всемирно-исторического масштаба. Чувствуется оскорбительная неправда, колоссальная несправедливость в подходе "других историков" к народной памяти войны, к народной Победе. Стоит только задаться вопросом: кто кроме Советского Союза мог реально остановить гитлеровские полчища? Никто. И Советский Союз не смог бы остановить, если бы эта война не стала для народа Великой Отечественной. Проблема Сталина порождает конфликт интеллигенции с народом, причем в треугольнике *власть — интеллигенция — народ* интеллигенция оказывается необязательным посредником. Чем больше она тыкает своей

шпажонкой в созданное ею же самой идолице, тем больше это напоминает антихристианское поведение древних людей.

Другое имя Ю. Афанасьева — *Сомневающийся в Своем Народе*. Есть и более тяжкий случай. Например, праволиберальный публицист Д. Драгунский пришел к выводу, что "в результате многовековой истории в нашей стране сложился крепкий садомазохистский союз власти и народа. Разгульное ельцинское десятилетие не разрушило его, а объективно — только укрепило" [9]. Другое имя Драгунского — *Отчаявшийся в Своем Народе*. Вообще у либералов отношения с "народом" еще более проблемные, чем с властью. Они поведутся с ним как строгие учителя с недорослем. Вот и наш учитель, ссылаясь на данные ВЦИОМ, вынес приговор: "Россиянин — деградировал, его уже не волнуют не только гражданские права, но и вообще все, что не связано либо с государством, либо с возможностью что-нибудь от этого государства урвать" [2, с. 374]. А может, не деградировал, а просто смертельно устал и впал в фрустрацию русский человек от провальных реформ, экономического ограбления на фоне демократической трескотни, телевизионной скабрёзности, скандальных выборных кампаний, бесконечного предательства национальных интересов правящей элитой, циничных откровений людей власти. Европейская общественная деятельница, редактор немецкого еженедельника "Цайт" графиня Марион Денхофф в 1995 г. писала: "Угроза для демократии у нас исходит не от праворадикальных групп, а исключительно от самой демократии — из-за преувеличения ее собственных принципов, то есть безбрежной рыночной экономики и безграничной свободы" [10, с. 228–229]. Если в Европе — кризис демократии, то у нас — кризис извращенной демократии, поскольку другой на нашей почве быть не может. И если народ эту демократию не воспринимает, то, может, это свидетельство его нравственного здоровья?

Одно из определений либеральной морали — это "метод ухода от ответственности" [10, с. 605]. Я вспомнил о нем, когда читал книгу Афанасьева. О событиях, в которых он принимал непосредственное участие, и не как "член общества", а как член высшего выборного органа власти и как член авторитетной группы людей, к которым новая власть прислушивалась, он пишет отстраненно, как будто эта власть "наделала делов" без его участия. Можно даже решить, что в событиях 1991–1993 гг. повинны, главным образом, татаро-монголы, Александр Невский и Сталин.

История ставит на одну доску Горбачева и Ельцина как разрушителей государства под названием Советский Союз притом, что в жизни они друг друга терпеть не могут. В этом же формате Ю. Афанасьев стоит в одном ряду с Е. Гайдаром и его "командой". Будучи из одной стаи декоративных птиц под названием "демоговоруну", допущенные к рычагам власти или пусть даже в качестве советников-наушников власти, они нанесли колоссальный ущерб и российскому государству, и русскому народу.

Интеллигентский макиавеллизм

Вот как бывает. В годы "перестройки" был налицо общественный подъем. И Попов, Афанасьев, Коротич, Клямкин, некоторые другие интеллигенты стали героями общества. Подъем кончился и вместе с ним "кончились" эти люди. Они как-то враз угасли, посерели, а некоторые почернели изнутри. Поистине бесславный конец. Сама "перестройка" почилла в бозе. Ее цели оказались ложные, результаты разрушительные. Вместо "очищения правдой" создано еще одно нагромождение из лжи и предательства. Сказка подошла к концу. Это — истинно русская сказка, поскольку в конце нас ожидала старуха у разбитого корыта. Яркая вспышка идеализма накануне развала советского государства чисто эстетически украсила его смерть, но это было явно не то, чего хотели десятки миллионов людей в Советском Союзе. Вот для кого история "перестройки" обернулась рождественской сказкой, так это для Запада, который никогда не сходил с почвы "реальной политики". К его безмерному удивлению главный конкурент, мощи которого он боялся полвека, неожиданно легко "повелся" на его риторику, сам себя разоружил и устранил с геополитической карты.

"Прорабам перестройки" оставаться в политике после развала Советского Союза было крайне нетактично. Конечно, не в смысле этики их поведения, а в том глубоком смысле, что они выпали из такта истории, и вся их деятельность приобрела едкий желто-черный дым негативного макиавеллизма. Любопытно, что это довольно редкая разновидность макиавеллизма — интеллигентский макиавеллизм. До сих пор интеллигентский дискурс в политике мной определялся как кантианский и противопоставлялся макиавеллистскому. Но жизнь в своей пластике самопротиворечива и может дойти до пункта диалектического отрицания отрицания. Афанасьев и Попов (с оговоркой — слишком "хитер", не по-интеллигентски "себе на уме") вошли в политику отважно, как дон-кихоты. Они бросили вызов Дракону (Власти), как ланцелоты. Но когда над полем битвы развеялся дым, мы уже не увидели прежних рыцарей чести и достоинства. Пред нами предстали политики, использующие историческую науку как инструмент своего политического влияния. Лукавство этих господ интеллигентов состоит в том, что они под видом научного проталкивают проект политический, а именно — проект беспочвенного российского западничества.

Кстати, та Россия, о которой грезит сам Афанасьев, уже была. Это — ельцинская Россия. Скажу одно: внешняя политика России в 90-е гг. прошлого века, в период, обозначенный термином "козыревщина", — это худший ее отрезок за всю историю от Ивана Грозного. Это был период, когда власть предержащие попытались начать "другую историю", сделать внешнюю политику максимально комплиментарной Западу. В угоду этому предали своих союзников и друзей. От этой политики осталось впечатление беспорядочного бегства после полного разгрома. Пожалуй, главный урок этой по-

зорной страницы истории для России сводится к тому, что ей многое простят близкие и дальние соседи, кроме одного — слабости, неспособности создавать интеграционные поля, притягивать к себе экономически, политически и культурно.

Даже удивительно, что Афанасьев до сих пор не осознал простой вещи: Путин исправляет трагические ошибки, проистекшие из политического идеализма (абстрактного морализма) горбачевско-ельцинской эпохи. Если путинская политика по укреплению России (неважно кем она будет проводиться — самим В. В. или его преемниками) оборвется, то есть большая вероятность того, что к власти в России придет фашизм, а это уже будет, в том числе, личная трагедия г-на Афанасьева и ему подобных проповедников либеральных иллюзий.

Литература

1. Гребенник Г. П. Типи homo politicus і інтелігентська свідомість // Інтелігенція і влада: Наук. зб.; серія: політологія. — Вип. 2. — Одеса: Астропринт, 2004. — С. 42–49; Его же. Интеллигент как политический активист // Науковий вісник: фах. зб. наук. пр. Одеського національного економічного університету. — 2006. — №3 (23). — С. 75–87; Его же. Интеллектуалы в политике: западная традиция // Там же. — 2006. — № 7(27). — С. 82–92. Его же. Интеллигентский дискурс в политике: смысл, задачи, польза и вред // Там же. — 2006. — № 8 (28). — С. 147–157; Его же. Сшибка разных моралей в политике (на примере оценок пакта Молотова-Риббентропа) // Там же. — 2006. — № 11 (31). — С. 88–103.
2. Афанасьев Ю. Н. Опасная Россия: традиции самовластья сегодня. — М.: Российск. гос. гуман. ун-т, 2001. — 432 с.
3. Белякова Н. Очерк религиозной ситуации в Литве // http://ia-centr.ru/public_details.php?id=68
4. Флоря Б. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Славяноведение. — 1993. — № 2. — С. 42–66.
5. Соловьев А. В. Автор "Задонщины" и его политические идеи // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — [Т.] XIV. — С. 183–197.
6. Гунчак Т. Україна: перша половина XX століття: Нариси політичної історії. — К.: Либідь, 1993. — 288 с.
7. Карр Э. История Советской России. — Кн. 1, т. 1–2: Большевицкая революция. 1917–1923 / Пер. с англ.; предисл. А. П. Ненарокова. — М.: Прогресс, 1990. — 768 с.
8. Лебедев В. Можно ли написать историю "как она была на самом деле"? // <http://www.lebed.com/1998/art462.htm>
9. Драгунский Д. Идущие вместо // http://www.liberal.ru/article_print.asp?Num=250
10. Денхофф М. Границы свободы: Пер. с нем. — М.: Междунар. отношения, 2001. — 232 с.
11. Дубко Е. Л. Политическая этика: Учебник для вузов. — М.: Академический проект; Трикта, 2005. — 720 с.

Г. П. Гребеннік

Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова,
Інститут соціальних наук, кафедра історії і світової політики;
Французький б-р., 24/26, м. Одеса, 65058, Україна.

**ПРОЕКТ "ІНША ІСТОРІЯ", АБО ІНТЕЛІГЕНТСЬКИЙ
МАКІАВЕЛЛІЗМ**

Резюме

У статті розглядається достатньо унікальний феномен інтелігентського макиавеллізму в політиці. Автор стверджує, що частина російської ліберальної інтелігенції свідомо використовує формат історичної науки з політичною метою переідентифікувати народну свідомість, свідомість масового виборця, прив'язавши його до ліберальної, західницької перспективи посткомуністичного розвитку Росії. Автор скептично ставиться до цих спроб, вважаючи, що вони приведуть не стільки до дискредитації політичного курсу нинішньої російської влади, скільки західницької опозиції в очах народу.

Ключові слова: ліберальна інтелігенція, політична інтелігенція, інтелігентський макиавеллізм, імперська традиція, міфологізація історії.

G. P. Grebennik

Odessa National University named after I. I. Mechnikov,
Institute of Social Sciences, Department of History and World Politics
24-26, Frantsuzsky Bulvar, Odessa, 65058, Ukraine

**"OTHER HISTORY" PROJECT, OR INTELLIGENTSIA'S
MACHIAVELLISM SUMMARY**

Summary

This article is dedicated to a unique phenomenon of a longhair machiavellism in politics. The author asserts that some circles of the Russian liberalistic intelligentsia consciously use the format of the historical science pursuing a political purpose of re-identification of the people's conscience, the constituency's conscience, by orienting it to the liberal Westernized trends of the post-Communist development of Russia. The author regards these attempts with skepticism considering that they will lead more to a Westernized opposition in the people's eyes than to the discredit of the current Russian government.

Keywords: Liberalistic intelligentsia, political intellectuals, intelligentsia's machiavellism, imperial tradition, mythologization of the history.